

МОХ

потомкам,

Я не желаю такого будущего своим

но оно уже становится моей реальностью...

Среди гигантских пальм и лиан, с листьев которых падали тёплые капли, торжественно и размеренно шёл слон. Большой, серый, с добрыми глазами. Его спину и голову украшала красивая ткань красного цвета с затейливыми узорами из золотых ниток. Слон хотел есть, поэтому поднимал голову вверх в поисках лучших веток с самыми сочными листьями. Он хотел есть, но ещё больше хотел мира и покоя...

1.

- Я снова спрашиваю: откуда вы знаете, как выглядит слон?

Влажный воздух тропических лесов исчез. Здесь было душно. Руку сковывал железный браслет с множеством проводов. Голова кружилась, блеск металла резанул по глазам.

- Вы понимаете меня? Откуда вы всё это взяли? Что это за животное?

Дышать было тяжело. Ломало скулы и верхнюю челюсть. По щекам текли слёзы.

- Ещё укол!

- Мне, - послышался слабый стон. – Мне...

Тишина. Шанс. Медлить нельзя. Добавили ещё ток.

- Он приснился...

Этот полусёпот был воспринят. В комнате повисло напряжённое молчание.

- Это как?

- Не могу объяснить. Сон. Просто сон. Все видят сны.

Пауза затянулась.

- Мда... Интересный экземпляр. Хм! Сон!

Голова гудела, сознание было затуманено.

- Прошу вас, пожалуйста, снимите браслет. Я задыхаюсь...

- Что ж, если это всё, то можете отправляться в Зал Справедливости и ждать решения.

Вокруг всё закружилось, череп сдавило от боли. Тело казалось обмякшим. Её вывели под руки. Двое, в белых масках. Помещение было заполнено людьми до отказа. Чем отличались эти внутри от тех, что снаружи? Эмоции на лицах. Она так давно не видела эмоции. Пусть только сожаление и боль, но они явно читались, и это было даже странно. Страх. Снаружи за себя, внутри за других. За мир, которого почти не осталось. Кто его рушил?.. Все. Одни своими действиями, другие – бездействием. Но старались все. Прекрасный, данный в дар, страдал в очередной раз. И в очередной раз был близок к своему освобождению. В то время как в Башнях верили в своё бессмертие, а в Зале Справедливости ждали возвращения права на жизнь, Мать перекрывала кислород для всех одинаково.

Смерть стала бы освобождением. Она часто думала о ней. Наверняка, этот переход в другую форму, время и пространство, будет самым счастливым эпизодом в этот раз. Казнь могла подарить ту самую вожделенную возможность погулять с добрым величественным слоном, прокатиться на его спине, прикрытой прекрасной мягкой тканью, искупаться с ним в водопаде, окружённом зелёным лесом полным мха... Мох. Возможно, это последняя минута. В такие мгновения мы возвращаемся к истокам, к тому самому моменту, когда мы превратились в живую клетку, сотканную из двух миров. Вокруг был мох. Увидеть бы его в последний раз...

Двери Зала Справедливости открылись. В душное помещение без промедления вошли люди. Не из Последнего Города. Граница. Их отличала одежда. Кожа, лён и много железа. Впереди шёл высокий человек с длинными белыми волосами. Девушка вскочила со своего места и опустила голову, приветствуя своего правителя. Тот поднял удивлённый взгляд на единственно поднявшуюся. Его и без того обычно суровое лицо сделалось мрачным и сердитым. Он опустил голову и прошёл мимо девушки. Она услышала вздох, полный сожаления и раскаяния.

- Номер четыреста восемьдесят три! – громко раздалось на весь Зал.

Она медленно поднялась. Тело похолодело и сделалось ватным. Первый шаг дался труднее остальных. Что делалось вокруг? Люди смотрели с сожалением. Они неодобрительно качали головами и опускали глаза. Женщины тихо плакали. В следующую секунду мог прозвучать номер каждого из сидящих

здесь. Она на минуту подумала об их судьбе, но ведь позвали её. Ещё немного, ещё чуть-чуть. И она обретёт свободу, о которой мечтала, и дотронется до лиан, искупается в водопаде, потреплет слона за ухо...

- Вам сохранили право на жизнь

Смысл слов не сразу дошёл до неё. Ведь она уже всё отпустила, потеряла надежду, в воображении стала лёгкой, невесомой, прозрачной и нереальной, как мираж. Она осторожно дышала, делила вздохи...

- Идём, - прозвучал грозный бас.

Расплывчатая картина прояснилась. Светлые бездонные глаза Владимира с упреком и одновременной радостью ласково глядели ей прямо в душу. Она приходила в себя, но ей казалось, что наоборот – уже мертва.

- Домой? – сорвался шёпот с её губ.

- Домой, - спокойно ответил длинноволосый мужчина, надевая капюшон. – Поторопись.

То, что сейчас происходило, не укладывалось в голове. Сердце бешено стучало, ноги подкашивались. Ещё один шанс всё исправить. Свидание со слоном придётся отложить. Но что внутри? Радость или страх? Она не понимала. Чувства, мысли, - всё смешалось. Казнь могла бы избавить от этого кошмара, но, может, не всё ещё потеряно? Эта мысль пришла в тот самый момент, когда она вдохнула этот полуотравленный, но всё равно свежий солёный воздух.

На закате становилось прохладнее. Город не был укреплен до конца, поэтому люди, маленькие сгорбленные, в серых одеждах с утра до ночи копали ров для стен из искореженного металла. Сзади простирались Башни. Всего три. Считали счастливым числом. Стекланные и железные. Они были сотканы из всего, что осталось. Теперь эти Башни – их сердце. Но оно билось не для них, а только для себя. Как и сердца тех механизмов, что наполняли Башни. Этот холодный Город. Где последние несколько тысяч заботились только о собственном тепле. Он не мог стать спасением. Там не было Владимиров. Ни одного. Такого. Умного, смелого, непокорного. Благодаря Владимиру они ещё дышали. И те, что в Башнях, и тем более те, кто жил там, на Границе. Это слово отозвалось внутри небывалой дрожью. Чем ближе к ней подходили, тем

свободнее становилось дышать. Воздух здесь был другой, особенный. И мох. Он стал появляться редкими островками ещё в нескольких километрах от Границы. Она не могла налюбоваться им. Хотелось прямо сейчас вырвать руками эти мелкие листочки с длинными стебельками, вдохнуть в себя этот аромат, рассмотреть каждый изгиб, съесть...

- Четыреста восемьдесят третья? – спросил Владимир.

Его голос становился спокойнее и размереннее по мере удаления от ненавистного Города.

- Четыреста восемьдесят третья, - тихо ответила девушка.

Владимир тяжело вздохнул.

- Помнится мне, у тебя было имя.

- Не помню.

- Тогда выбери новое. Довольно с нас цифр. Мы не стадо коров, и клейма у нас нет, - сурово сказал Владимир.

- Тогда букву. Пусть будет Д.

Владимир улыбнулся. Это была добрая улыбка. Конечно, она всё помнила. Воспоминания были ярче настоящего. Но вот сейчас эти самые мгновения должны перекрыть прошлое. Ещё пара километров, и прошлое превратится в настоящее. Сердце билось с невероятной быстротой. Пару часов назад ей чуть было не перекрыли кислород. Теперь она задыхалась от его избытка и радости. Впереди показались первые укрепления и вышки. Охрана и смотровые перекликнулись пару раз. Она вздрогнула и закрыла глаза. Как сдержать эти слёзы? Нужно ли их сдерживать? Мох. Он повсюду. А там за стеной и домами уже видны сосны. Вековые, пережившие Зиму, чахлые, древние, но живые. Слезы вырвались на волю и бурными потоками покатились по равнинам щёк. Граница. Она выдохнула с облегчением. Ворота открылись, а в сердце защемило. Последний оплот этой цивилизации встретил её молчанием, удивлением и негодованием. Владимир сделался суровым. Он устал и, очевидно, очень хотел домой. Жива ли Любовь? Этот вопрос появился внезапно. На лицах знакомых и малознакомых выражалась невыносимая скорбь. Что здесь происходит на самом деле? Всё ли так, как говорят в Городе?

- Отдохни, как следует до завтра, - сказал Владимир. – Тяжёлый будет день. Надо достойно вынести последние испытания.

Он зашагал вверх по улице, его свита следовала за ним. Девушка недолго приковывала к себе любопытные взгляды. У последних оставшихся присутствовал ум. Исполнение долга было важнее выяснения причин, по которым девушка чуть было не перестала дышать несколько часов назад. Днём раньше, днём позже – это ждало всех. Без пощады. Привычными тропами, мимо молчаливых уставших людей и полуразрушенных домов, поросших травой по самые крыши, искореженные и покрытые мхом, она пришла домой. Домой. Дыхание стало прерывистым, по телу прошла судорога. Её желание исполнено. Она с дрожью прошла по гладким холодным камням, ведущим к груде красных и белых кирпичей. Издали её дом казался холмом. Мох «съел» всё. Нетронутым остались только стёкла. Она сняла ботинки и опустила ступни на траву. Ей снова привиделся слон, гуляющий по влажным туманным лесам. Прохладные листья щекотали ноги. Она шла медленно, с закрытыми глазами, наслаждаясь каждой секундой своего неожиданного дарованного свыше возвращения. Листья исчезли. Дрожащие пальцы нырнули в мягкое пушистое одеяло. Не открывая глаз, девушка опустилась на колени, затем легла на зелёный, пахнущий лесом, влагой и свободой, мох... Она открыла глаза. Через небольшие дыры в крыше внутрь западали солнечные лучи, ласковые и тёплые. Они играли переливами света в каждом изгибе маленьких листьев мха. Подул ветер. Застучали ракушки, подвешенные на нитках к потолку. Их выбросило на берег прямо к её дому много лет назад, ещё когда она была ребёнком, когда вода только прибыла на равнину и утопила часть сосен. Вода. Спокойная, сверкающая. Совсем рядом. В паре километров от дома. Этим воздухом нельзя было надышаться, ровно как и оторваться от созерцания мха. Она почти не дышала, как зачарованная гладила ладонью поросший мхом лежак.

- Я дома, - прошептала она в пустоту.

И даже если нам осталось совсем немного, мы счастливы находиться на своём месте. Мы хотим быть там, где нас любят, там, где мы любим, мечтаем, хотим жить. Там, где мы обретаем гармонию и счастье. Из каких элементов складывается это счастье? Всё просто. Счастье – найти керосин для лампы, дрова, чистую крепкую одежду и что-нибудь поесть. Всё остальное неважно. И это тот самый момент, когда понимаешь, что умирать рано, благодаришь небо за ещё один шанс, осознаёшь, что каждый миг может стать последним, поэтому его особенно нужно ценить. Сейчас это всё есть, и сейчас же этого всего может не стать, как не стало отца, матери, сестры, мужа и собственных детей...

Нужно спать. Но спать на Границе означает проявить смелость. Она ведь не смелая. Ей было страшно. Уснуть и не проснуться, не использовав свой новый шанс. Она смотрела вдаль. Чёрная гладь воды была спокойной. Деревья тихо шептались и убаюкивали её. За стеной что-то стукнуло. Девушка вскочила, схватив со стола нож. На данный момент это было её единственное оружие. Ей овладел животный страх. Скрежет за стеной усиливался. Наступила тишина. Казалось, что ушли. В это же мгновение в дверь кто-то стукнул, и она начала медленно со скрипом открываться. Девушка со всей силы размахнулась, Владимир пригнулся, схватив её руку с зажатым в ладони ножом, и поднёс палец к своим губам. Ошеломлённая девушка распахнутыми глазами смотрела на него, не понимая цели ночного визита.

- Что вы здесь делаете? – удивлённо и настороженно спросила она.

- По дороге сюда ты спросила, как тебе меня благодарить. Вот я и пришёл, чтобы ответить на твой вопрос.

Девушка побледнела и ещё больше расширила глаза.

- Нам нужно соблюдать тишину, - продолжил Владимир. – Прежде чем мы спустимся в подвал, я должен предупредить. То, что ты там увидишь, может тебя шокировать.

Она вернула нож на прежнее место и в молчании последовала за своим лидером. Подвал оставался нетронутым с основания. Он находился глубоко под домом. Они шли в полной темноте. Ступени были широкие. Она могла идти, ни разу не споткнувшись. Она знала высоту, расстояние между ними, их количество. Только она. Никто не мог бы пройти этот путь ловчее и быстрее, чем она, но Владимир ни разу не оступился. Он шёл также ловко и быстро, уверенно. Он шёл впереди. Словно тоже жил здесь. Владимир остановился. В темноте был слышен тяжёлый взволнованный вздох. Его руки дрожали, когда он открывал дверь. Появился тусклый свет. Пропуская девушку вперёд, Владимир посмотрел ей в глаза. Этот взгляд был полон тревоги и доверия. Девушка прошла вперёд. Она едва узнавала свой подвал. Здесь было тепло и уютно. Здесь жили. В глубине помещения у дальней стены кто-то беспокойно дышал. Девушка приблизилась и в одну секунду сделалась неподвижной, как статуя. Она задрожала, побледневшее лицо намокло от слёз. Дыхание оборвалось, она начала опускаться на пол. Владимир молчал, понимая её состояние. Девушка взялась за голову, трясла ей, зажимала пальцами глаза. Ей казалось всё происходящее галлюцинацией. Она открывала рот, пытаясь выговорить это

слово. То самое заветное слово, которое не звучало в целом мире уже много лет. В горле пересохло, язык онемел. Она закрыла лицо руками.

- Как? – прошептала она, вперив во Владимира безумные глаза. – Откуда... он?

Владимир слабо улыбнулся, из его глаз брызнули слёзы, но он быстро взял себя в руки и не дал воли нахлынувшим чувствам.

- Мы с Любовью не теряли веры в то, что это возможно.

Девушка прикрыла рот руками. Выдержав долгую паузу, не моргая, она снова попыталась произнести то самое слово, и на этот раз оно прозвучало. Прокатилось по стенам подобно раскату грома.

- Ребёнок, - произнесла она, зажмурив глаза и не веря в то, что она это говорит. – Ребёнок... Он ваш?

Владимир кивнул. Она плакала, смотря на маленькое существо. На вид ему было не больше трёх, но Владимир сказал, что малыш родился два года назад. Им с Любовью удалось скрыть как беременность, так и роды. Женщина ссылалась на болезнь и полгода не выходила к людям. Она жила в доме девушки, и никто об этом не знал. Первые месяцы Любовь провела с новорожденным в этом подвале. Они надеялись на чудо и ждали появления молока, но этого не произошло. Ребёнка выкармливали животным молоком. Любовь отдавала малышу положенную ей порцию, Владимир отдавал ей свою. Роды прошли быстро, без осложнений. Любовь удивительно быстро восстановилась и делала всё, чтобы сын не умер от голода или болезни, которая могла внезапно его поразить. Это был мальчик. Без имени. Когда Владимир сказал это, ребёнок проснулся и ужасно испугался Д. Она тоже вскочила с пола и сделала несколько шагов назад.

- Он никогда не видел других людей, - тихо произнёс Владимир, прижимая малыша к груди. – Иногда, очень редко я вывожу его на прогулку. Ночью, в самое тёмное время проношу к берегу под своим плащом. Он не видел солнца. Никогда. Возможно, не увидит.

Владимиру хотелось плакать. Она не сдержалась. Сквозь слёзы смотрела на то, как отец обнимает своего сына. Она даже перестала дышать от переполняющего её чувства любви и счастья. Хотелось верить, что это только начало. Скоро такую картину можно будет созерцать в каждом доме. Отец. Сын. Отец обнимает сына, целует его лицо, маленькие ручонки, ласково шепчет, что

всё будет хорошо, что он с ним и любит его. Д снова была поражена силе Владимира. Мужчины от природы привыкли скрывать самые искренние и сентиментальные чувства. При всех. Теперь, когда эти чувства исчезли с доброй половиной мира, Владимир не стеснялся быть ласковым, заботливым и любящим мужчиной. Теперь она понимала, что ради этого момента стоило жить. Девушку переполняло счастье от осознания того, что вот здесь и сейчас, прямо под крышей её дома происходит настоящее чудо. Отец обнимает сына. Она видит это, слышит этот шёпот и нежное мурлыканье, чувствует теплоту и трепет между ними. Пока Владимир задаривал своё дитя ласками и тихими песнями, Д заворожено глядела на ребёнка. Он был странен и отличался от всех людей. На его теле не было ни единого волоска, череп был непропорционально большой, пальцы на руках и ногах длинные, ко всему прочему на ногах их было шесть и соединялись они между собой перепонками.

- Это и будет благодарностью мне, - прошептал Владимир, обращаясь к девушке. – Я не могу быть с ним всё время. Только ночью. Или я, или Любовь. Твой дом на окраине, тут рядом никого не бывает. Это самое безопасное место для него... Глаза-то как засверкали. Постарайся вести себя так, будто ты не знаешь ничего. Приглядывай за ним. Самое главное – читай ему книги.

Девушка вздрогнула.

- Я сложил их в сундук, - продолжил Владимир. – Могу принести пару книг. Они специальные для детей. Меня обыскивать не будут, если остановят...

Д неподвижно сидела и хлопала глазами. Книги? У него есть книги? Может, они есть у всех, кто живёт на Границе? Владимир ответил на её немой вопрос ласковой улыбкой лёгким кивком головы. Девушка была поражена до самой глубины. Чудо за чудом. Надежды становилось всё больше.

- Я сделаю всё, что в моих силах, клянусь. Я позабочусь о нём не хуже вас с Любовью, обещаю вам, - с жаром говорила девушка.

- Будь осторожной. Чтобы не повторилось то, что произошло в Городе. На этот раз казнь будет ждать и тебя, и меня, и Любовь, и его... А, может, хуже, чем казнь.

- Хуже?

- Казнь – большая радость по сравнению с отправкой в экспериментальную лабораторию. Они тестируют вакцины, пищу и прочее на осуждённых. Под Башнями в земле есть боксы. Там всё и происходит. Я убедил судей, что ты

хороший боец, у тебя отличная подготовка. В общем, сказал, что ты годный кусок мяса для пожирателей. Так что, постарайся не умереть раньше времени. Няньки лучше мне не найти... А что произошло там? За что ты провинилась?

- Рассказала детям про слона.

- Про слона?

- Животное. Он большой и серый. Когда-то давно они жили на южных континентах в тропических лесах. И на Востоке... Откуда я могла знать, что одно лишь слово перечеркнёт мою жизнь?

- Что ж. Следи за тем, что говоришь. Здесь проще, конечно. Но...нам тяжело. Мы теряем реальность, наполняя себя знаниями лишними, запрещёнными по велению Башен... Старайся продержаться как можно дольше. В следующий раз я могу не спасти тебя.

- Много у вас книг?

- Десятка два будет. У Старика их больше всех. В том числе самые древние. Он говорит – им тысячи лет. Раз в неделю мы все собираемся в бункере. Старик пересказывает нам всё, что прочитал.

Владимир умолк. То, что он говорил, звучало торжественно и невероятно. Она совершенно забыла про сон. Тем временем прошло уже полночи. Ей хотелось столько всего спросить, узнать, но Владимир настоятельно порекомендовал лечь спать. «А впрочем, ты не сможешь теперь», - сказал он, махнув рукой, перед тем как ушёл.

Малыш выпил немного молока и съел кусок сухого хлеба. Потом встал с лежака и исчез в проёме между стенами. Там была яма с проточной водой. Под домом их было две. Малыш был самостоятельным. Другого выхода у него ведь не было. Она уже представляла, как научит его чистить зубы углём. Этого он, наверное, ещё не знает. Она ждала, когда он вернётся. Ходил он таким образом, что казалось, будто он прощупывает под собой почву. Его покачивало, он поддавался вперёд. Всё время до рассвета они провели в таком положении: сидели друг против друга в полном молчании. Она хотела, чтобы он привык к ней и не боялся её. Он не боялся, смотрел, как на живую игрушку. Хотел потрогать, но не решался. Она была похожа на маму. Такая же фигура, такие же длинные волосы, но у мамы белые. Девушка думала о том, что ему хочется выйти отсюда, посмотреть на мир, увидеть солнце, потрогать траву. Ему будет

легко плыть: у него есть перепонки. Может, он увидит свет, когда вырастет. Может, всё будет по-другому, когда это произойдёт...

2

Глаза болели. Бессонная ночь давала о себе знать. Перед полями с захудалыми посевами собралось несколько десятков мужчин. Она и ещё четыре женщины казались белыми воронами среди них. Все были ей косвенно знакомы. Д заметила, какие худые здесь были люди. Они питались хлебом из плесневой муки, молоком, травой и ягодами. Мясо и рыбу, по словам женщин, они ели несколько раз в месяц. Это зависело от удачливости и терпения охотников. Воду им удалось добыть чистую и пригодную для питья. Источник появился прямо из-под земли, когда от жажды начали умирать старики. Вода забила фонтаном на закате. К утру вырыли большую яму, её появление объяснили наличием подземных пустот. Охрана не стала близко подходить к сооружению – помосту, возведённому над ямой с источником. Надзиратели были уверены, что на дне ничего нет, не стали проверять из-за боязни провалиться и очень скоро перестали обращать на деревянный мост внимание. Воду набирали ночью, быстро и бесшумно. Мужчины открывали в помосте доски и опускались по краю ямы за пресной водой, которой к утру было обеспечено всё население Границы. Эта новость обрадовала девушку. Но вот пришёл Владимир. Все присутствующие выстроились в два ряда. Владимир был уже не так молод, но решительности и уверенности в нём не убавилось. Наоборот. С годами он становился только сильнее и мудрее, и точно знал, как действовать в той или иной ситуации. Сняв рубашку и взяв в руки железный шест, он начал вдохновенно и воинственно разбирать ошибки прошлой схватки. Она знала много о нападениях. Но какой был толк, если она никогда их не видела? А от рассказов тех, кто сталкивался лицом к лицу, становилось жутко. Она хотела быть матерью, сохранять мир и покой вокруг себя и своей Семьи...

- Шест в руки, я сказал, - раздался суровый голос, и Д вернулась в реальность, увидев грозные серо-голубые глаза своего лидера.

- Делимся на пары, как обычно, - продолжил он и ткнул концом железного штыря девушке прямо в грудь. – А ты со мной.

Д послушно встала напротив. Остальные пары уже вступили в отчаянную борьбу друг с другом. Один оборонялся, другой нападал. Затем менялись. Она хотела понаблюдать, но Владимир нападал. Она пригнулась, но на следующий